

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ МЕТОДЫ
В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

УДК 902/904

Трубицина Н.А.¹

**СОПОСТАВЛЕНИЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЭТНОСОВ
В ДНЕВНИКЕ МИХАИЛА ПРИШВИНА 1931 ГОДА**

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Trubitsina N.A.

**COMPARISON OF RUSSIAN AND CHINESE ETHNIC GROUPS
IN THE DIARY OF MIKHAIL PRISHVIN 1931**

Bunin Yelets State University

Реферат: Осуществивший летом 1931 года поездку на Дальний Восток выдающийся русский писатель Михаил Михайлович Пришвин оставил об этом событии подробные записи в дневнике, которые могут служить источником исторических и культурологических исследований о регионе того времени. В поле пришвинского внимания и философского осмысления оказался вопрос о китайском этносе, который художник стремится понять через традиционно присущую ему категорию «родственного внимания». Пришвин изучает незнакомый ему народ через сопоставление его со своим русским этносом. Писатель затрагивает вопросы трудовой деятельности, досуга, миропонимания и даже наркотиков. Рассматривая китайскую культуру как культуру востока, Пришвин противопоставляет ей западный тип культуры, основным носителем которого он видит европейцев (в частности – немцев и швейцарцев), а русских воспринимает, скорее, как срединную нацию, совмещающую в себе черты запада и востока. Как истинный патриот, именно за русской культурой с ее коллективизмом и антимеритизмом, видит писатель будущее мира.

Ключевые слова: этнос, русские, китайцы, Михаил Пришвин, дневник.

Abstract: the outstanding Russian writer Mikhail Mikhailovich Prishvin, who made a trip to the far East in the summer of 1931, left detailed entries about this event in his diary, which can serve as a source of historical and cultural research

---

¹Трубицина Наталия Алексеевна - канд. филологич. наук, доцент кафедры истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина; e-mail: trubicina-nat@mail.ru

about the region at that time. In the field of prishvinsky attention and philosophical understanding was the question of the Chinese ethnic group, which the artist seeks to understand through the traditionally inherent category of "kindred attention". Prishvin studies a people he doesn't know by comparing them with his Russian ethnic group. The writer touches on issues of work, leisure, worldview, and even drugs. Considering Chinese culture as the culture of the East, Prishvin opposes Western culture, the main carrier of which he sees the Europeans (particularly the Germans and the Swiss), and Russian sees more as a middle nation that combines features of East and West. As a true patriot, the writer sees the future of the world precisely behind Russian culture with its collectivism and anti-Americanism.

Keywords: *ethnos, Russians, Chinese, Mikhail Prishvin, diary*

Территория фронта представляет особый интерес для различных направлений современной гуманитаристики – философии, истории, культурологии, социологии, языкознания и ряда других наук. Пограничье всегда обладает смешанным типом культуры, являя собой сложный комплекс ценностей, норм, традиций, особенностей языка и быта. Коренное население Дальнего Востока испытало на себе влияние двух значительных цивилизаций – российской и китайской. Поэтому велик интерес ученых-компаративистов к сопоставлению двух народов, двух культур, двух образов жизни.

В лингвистической науке появились работы Е.С. Еремкиной и Т.В.Гофман «Отражение концепта ПАТРИОТ в китайской и русской языковых картинах мира (на материале ассоциативного эксперимента)»[2], И.А.Кунгушевой«Китай и

китайцы в языковом сознании амурчан»[4], Хуана Тяньдэ«Национально-культурная специфика оппозиции «свой – чужой» в языковом сознании русских и китайцев (на материале русского и китайских языков) [8] и др.

Не остались в стороне исторические науки. Здесь следует отметить кандидатскую диссертацию Н.В.Тен «Образ России в Современном Китае (1991-2010)»[5] и ее монографию «От Пушкина до Путина: образ России в современном Китае (1991–2010)» [6]. Были проведены и социально-политические исследования, в частности Н.Б.Боковой«Политико-психологический анализ образа России в массовом сознании граждан КНР» [1], Е.Е.Калитой и Е.Б.Мариным «Образ «типичного китайца» и «типичного русского» в представлении китайских студентов, обучавшихся в России» [3].

Е.Е.Калита и Е.Б.Маринин на основе своего экспериментального исследования делают вывод: «В оценках «типичного китайца» отсутствовали признаки уверенности и силы, а при оценке «типичного русского» – трудолюбия и творчества» [3, с.39]. Можно отметить, что и в настоящее время признаки личности русских и китайцев можно соотнести с традиционной типологией культуры.

Писатель-философ

М.М.Пришвин в своем художественном творчестве, публицистике, а также в многотомном Дневнике большое внимание уделяет проблеме «Запад и Восток». В своей рефлексии писатель не занимается спекуляциями «по поводу», а идет всегда от конкретных фактов, полученных либо в ходе личных наблюдений, либо из конкретных источников. В этом отношении дневниковые записи Пришвина являются богатейшим историческим материалом.

Летом 1931 года писатель совершает поездку на Дальний Восток, где воочию знакомится с непростой жизнью этого региона. В самом начале пути он сделает характерную запись в дневнике: «Казачий налет на Сибирь, и в результате пустыня, а китайцы наполняют землю силой размножения. Из Владивостока нельзя уехать, не вникнув в смысл этого. Буду собирать у китайцев ма-

териал о пантах и через это войду в понимание» [5, с.403]. У Пришвина не вызывает сомнения тот факт, что китайцы способны в любых культурных и климатических условиях «наполнять землю силой размножения». Безусловно, автор имеет в виду не столько репродуктивную функцию самого китайского этноса, сколько их способность, не вмешиваясь беспардонно в жизнь природы, получать от нее все необходимое для культурной жизни.

Панты – это молодые, еще не окостеневшие рога молодых благородных оленей, которые, по мнению приверженцев традиционной китайской медицины, обладают целебными свойствами. На советском Дальнем Востоке с целью добычи пантов открывались олени заповедники. Китайцы же никогда не пытались держать этих животных в неволе, добывая драгоценный для них продукт только в процессе охоты.

«Войти в понимание» - такую «герменевтическую» задачу ставит перед собой писатель в путешествии. Это тот метод «родственного внимания» ко всему окружающему миру, который применял Пришвин и во всех предыдущих своих странствиях по миру. «Начинаю понимать в желтых лицах китайцев индивидуальности. Поражает статность русских молодцев в сравнении с китай-

цами. Но уважение к китайцам растет: истинно трудовые люди и живучие...» [5, с.403].

Писатель постоянно соотносит народную китайскую культуру с устоявшимися особенностями русской культурной традиции. В первую очередь это касается специфики трудовой деятельности. «Русский работает шесть часов и расходует себя в эти часы совершенно. Китаец работает часов двенадцать потихоньку, догонит русского и не устанет. Этому соответствует как пища тех и других, так и принимаемые ими наркотики», - переосмысляет писатель рассказ «алданского бухгалтера» о работе русских и китайцев на Алдане, замечая при этом, что «каждый народ согласованно с характером своим подбирает себе наркотики, но возможно и наркотики очень влияли на образование народного характера» [5, с.406]. Под наркотиками Пришвин понимает опиум, который китайцы в то время курят постоянно, и спирт, который употребляют русские строители в огромных количествах.

Пришвин как бы оправдывает китайцев за употребление опиума, полагая, что таким образом ими достигается желанная гармония внутреннего и внешнего: галлюцинируя, китаец может побывать на родине или встретиться с «дорогими покой-

никами». Таким образом, он находится в постоянном общении с потусторонним миром, с Небом, с божеством. «Китаец живет как бы согласованно с землей и небом, больше, вероятно, с небом, русский живет как налетчик, сорвет и дальше» [5, с.406]. Писатель объясняет это исходными предпосылками: Приморье – край, где не было ничего русского, «все китайское»: «Русский смотрит на грядковую культуру китайца, вроде как бы мы смотрим в микроскоп. Русский воспитан на размахе. Шел за соболями в Сибирь и, отбирая шкурки, как ясак, завоевал всю Сибирь» [5, с.433].

Ясак – налог пушниной, который платили русским завоеванные народы Сибири. Но русская колонизация восточной части нашей страны была достаточно мягкой, и вылилась в дальнейшем в культурную ассимиляцию русских и коренного населения. Воспитанный «на размахе» русский народ толерантен, миролюбив и снисходителен к завоеванным народам. Трюизмы «широка страна моя родная» и «широта русской души» порождает этот «взгляд в микроскоп» на любые мелкие частности бытовой культуры другого этноса.

Для восточного типа культуры характерны традиционализм, корпоративность, коллективизм и интровертный тип личности, сосредото-

ченной на внутреннем духовном мире. Западный (или фаустовский) тип культуры отличается активностью, сциентизмом, индивидуализмом, экстравертным типом личности, стремящейся вовне, к познанию окружающего мира рациональными способами. Русскую культуру большинство культурологов относит к срединному типу, который органично совмещает в себе черты как запада, так и востока. Во время путешествия Пришвина, русский человек на Дальнем Востоке – это человек, совмещающий в себе дух европейской, «фаустовской» культуры с чисто русскими, национальными чертами. Теперь продвижение русских с запада на восток видится писателю как «бесконечное продвижение по стране социалистического отечества» [5, с.453].

Сам Пришвин к социализму, революции и большевикам относился неоднозначно, но в данном случае он снова идет от факта – плаката в китайском театре, где над трактором «новейшей конструкции» на двух языках было написано: «Голос пролетарского искусства дружно везде поднялся против новой войны».

Сочетание пьесы китайского театра, когда писатель, следуя ее сюжету, а также виду публики, перемещается на 500 лет назад, и современного трактора снова пробуждает

в его сознании мысль о «маленькой» и «большой» правдах. «Так сложился путь казацкого продвижения и большевистского в один путь, и вместе с тем явилось противоречие правды большой и правды маленькой: мы далеко продвигаемся – вот большая правда, и мы занимаем пустое пространство, которое должно быть заполнено не по большой, а противоречащей ей маленькой правде. Маленькая правда получается вследствие ошибок большой: маленькая заделывает промахи больших отвлеченных проектов творческой мысли, отвлеченной творческой мечты. И часто бывает, что большая правда вступает с маленькой в смертельный бой, называя ее презрительно «мещанством», а маленькая в борьбе с большой все более и более зарываясь в землю, мстит за себя нищетой людей, голодом и злобой. Маленькая правда в нашей стране – это немецкая правда» [5, с.404]. «Большая правда» Пришвина – это великая правда русской революционной интеллигенции – общего счастья всего человечества. «Коротенькая правда» немецкого буржуа – это мещанская правда личного благополучия.

В дальневосточной российской глубинке, по мнению писателя, на русского большевика со всех сторон наступает трудовое мещанство, с за-

пада немцы, с востока китайцы. «Интересна не русская встреча с китайцами, а немецкая» [5, с.433]. Пришвин отдает себе отчет в том, что русский этнос – это срединный этнос, достаточно гибкий и восприимчивый к чужой культуре. Немцы и китайцы – квинтэссенция западного и восточного типа культуры, непримиримые оппоненты в своих ценностно-смысловых парадигмах. Народная идиома «что русскому хорошо, то немцу смерть», в отношении немцев и китайцев могла бы звучать еще жестче, если такое возможно. Даже наблюдая жизнь только китайцев Приморья, Пришвин делает очень характерный вывод: «Вот если совсем просто сказать о великом, то Китай потому Китай, что народ, а Европа – машина» [5, с.424]. Здесь автор подчеркивает специфику как западной, так и восточной цивилизаций.

Вместе с тем, проживший несколько лет в Европе, окончивший философский факультет Лейпцигского университета, Пришвин был хорошо знаком не только с немецкой философией, но и обыденной жизнью простого народа Германии. Будничным труд немецкого обывателя для, казалось бы, личного благополучия, обретает в глазах писателя глубокий творческий смысл, потому что соединяет в себе личное

счастье и общую пользу: «Большой размах – все равно, что теория, а малый размах – это практика. Русские – теоретики, немцы – практики». [5, с.433]. Но и те, и другие в своей сути активные преобразователи жизни, ее страстные «улучшатели», что в целом отличает их от китайцев.

Однако писатель далек от идеализации европейского образа жизни. Сравнивая Европу и Азию в дневнике 1931 г., он снова вступает в заочную дискуссию со своим постоянным оппонентом – В.В.Розановым: «Розанов ошибался, выдвигая пол на место как бы единственного фактора жизни. <...>Но то верно, например, что это как бы общественное отрицание пола больше выражено на европейской улице, чем на азиатской, в европейском чистом доме, чем в китайской фанзе и, вообще, скажем, в Европе отрицательный пол общественной жизни резче проявляется, чем в Азии. Вместе с тем, конечно, теряется в Европе и сила родства между людьми. Знаете, как где-нибудь в Швейцарии, вокруг много людей, а ни им до них, ни тебе до тебя, ни тебе до них решительно никакого дела, и даже подчас вовсе не замечаешь людей, как будто один живешь, и все обычаи, все порядки, костюмы, весь стандарт устроен как будто именно для того, чтобы не замечать друг друга, укрываться, и

среди людей быть одному. Да, конечно, очень противно, когда тебя в упор разглядывает азиат, не хорошо тоже и равнодушие европейца, человека совершенно делового и знающего только свой деловой час, а не тебя. Что лучше? Можно ли сказать, что современная европейская общественность отрицательна к роду и тем самым к полу? Иначе сказать, что современное дело идет против родни. В этом и есть мысль Розанова» [5, с.424]. Риторические вопрошания Михаила Пришвина продолжают извечный спор, начатый западниками и славянофилами, и не утихающий до настоящего времени.

Пришвин в своих размышлениях о судьбе своей Родины, в то время уже Советского Союза, мыслит глобально и стратегически: «На одной стороне Союза, на западе стоит страшный враг – это разумное мещанство немцев, на другой, восточной стороне иррациональное мещанство китайцев. Трудно сказать, которое сильнее и опаснее для большевика: мещанство немецкое соблазняет разумным устройством повседневной личной жизни, согласованной, впрочем, и с жизнью общественной; китайское мещанство, презирающее материальное расширение благ в своем пассивном сопротивлении насилию, соблазняет своей личной свободой, которая остается и у

раба в его ночных сновидениях, и у смертельно больного, когда сама боль как бы устает и на короткое мгновение уходит. Этим формам немецкого и восточного стационарного мещанства только по внешности противоположно американское динамическое мещанство, где в абсолют взят не покой, а вечное движение. Но это, конечно, тоже одна из форм мещанства, характерного, вообще, разобщенностью между собой личностей, составляющих то или другое общество или государство» [5, с.453].

Не идеализируя, а во многом осуждая современную ему советскую культуру, Пришвин, именно через неё видит выход к глобальной мировой цивилизации: «Мы хотим всем этим формам мещанства западного, восточного и американского противопоставить коллектив, в котором внешние перегородки между личностями будут расплавлены: тысячи глаз в таком коллективе беспрепятственно глядят на негодного члена и тысячи рук выбрасывают его вон, тысячи людей восхищаются хорошим примерным человеком, воспитываются и так мало-помалу преодолевают в себе тот грех, который отцы называли «первородным»» [5, с.454]. Библейские аллюзии в тексте отсылают нас к мифологеме «потерянного рая», возвращение и восста-

новление которого мыслится писателем в космических масштабах. И прогрессивный Запад и традиционный Восток, по его мнению, должны «в отношении какого-то Икса» прий-

ти к единству. И именно здесь велика роль России как хранительницы слова правды и ведущей своим словом мир к единству.

Список литературы:

1. Бокова Н. Б. Политико-психологический анализ образа России в массовом сознании граждан КНР: дис. ... канд. полит. наук : 19.00.12. М., 2011. 180 с.
2. Еремкина Е.С., Гофман Т.В. Отражение концепта ПАТРИОТ в китайской и русской языковых картинах мира (на материале ассоциативного эксперимента) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 6. С. 214–218.
3. Калита Е.Е., Марин Е.Б. Образ «типичного китайца» и «типичного русского» в представлении китайских студентов, обучавшихся в России // Национальный психологический журнал. 2013. №3 (11). С. 28–41.
4. Кунгушева И.А. Китай и китайцы в языковом сознании амурчан // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2010. № 8. С. 25–31.
5. Пришвин М.М. Дневники. 1930-1931. Книга седьмая. СПб.: Росток, 2006. 704 с.
6. Тен Н.В. Образ России в Современном Китае (1991-2010): автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Тен Наталья Викторовна. М., 2012. 17 с.
7. Тен Н. От Пушкина до Путина: образ России в современном Китае (1991–2010). М.: Новое литературное обозрение, 2016. 296 с.
8. Хуан Тяньдэ. Национально-культурная специфика оппозиции «свой – чужой» в языковом сознании русских и китайцев (на материале русского и китайских языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 23 с.

References:

1. Bokova N. B. Politiko-psikhologicheskiy analiz obraza Rossii v massovom soznani grazhdan KNR : dis. ... kand. polit. nauk : 19.00.12. M., 2011. 180 s.
2. Yeremkina E.S., Gofman T.V. Otrazheniye kontsepta PATRIOT v kitayskoy i russkoy yazykovykh kartinakh mira (na materiale assotsiativnogo eksperimenta) // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2019. T. 12. Vyp. 6. S. 214–218.
3. Kalita E.E., Marin E.B. Obraz «tipichnogokitaytsa» i «tipichnogorussskogo» v predstavlenii kitayskikh studentov, obuchavshikh sya v Rossii // Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal. 2013. №3 (11). S. 28–41.
4. Kungusheva I.A. Kitay i kitaytsy v yazykovom soznani amurchan // Slovo: fol'klornodialektologicheskiy al'manakh. 2010. № 8. S. 25–31.
5. Prishvin M.M. Dnevniky. 1930-1931. Knigased'maya. SPb.: Rostok, 2006. 704 s.
6. Ten N. V. Obraz Rossii v Sovremennom Kitaye (1991-2010) avtoref. dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.03 / Ten Natal'ya Viktorovna. M., 2012. 17 s.

7. Ten N. OtPushkina do Putina: obrazRossii v sovremennomKitaye (1991–2010). M.: Novoyeliteraturnoyeobozreniye, 2016. 296 s.

8. KhuanTyan'de. Natsional'no-kul'turnayaspetsifikaoppozitsii «svoy – chuzhoy» v yazykovomsoznaniirussskikh i kitaytsev (namaterialerusskogo i kitayskikhazykov): avtoref. dis. ... kand.filol. nauk. Moskva, 2017. 23 s.